

Хайнц Чеховски
в переводах с нем. **Е.Н. Колесова**

(с) Mitteldeutscher Verlag Halle-Leipzig, 1962, 1967, 1974, 1981

Опубликовано в книге:

Из современной поэзии ГДР: Вып. 2-й. Сборник. / Пер. с нем.; Составл.
и предисл. Б. Хлебникова. - М.: Радуга, 1986, с. **197-202, 203-205, 211**

Путешествие

Дело. И в то же время – безделье.
Сладкое погружение
в поля и леса, города и веси.
Пейзаж
бьется в паутине мысли,
превращаясь в образ.

Облако. Дождь. Отрада:
есть природа – будет труд.
Облако. Дождь. Отрава:
есть природа – будет труп?

Природа гибнет в муках мутаций!

За окном – луга. Любовь. Двое
уходят в прохладный лес. Боже,
как пахнет сено!

Мертвый дождь оседает в мертвых
прудах. Круговорот воды в природе.
Дети запоминают со школы:
облако. Дождь. Отрада.
Двое в прохладном лесу. Природа
гибнет в муках мутаций!
Круговорот воды!

Так образ становится
сигналом тревоги –
хорошо, если
не запоздалым.

Ода мотоциклу

1

Мы строим Землю, наш дом, продолжая
Начатый предками труд;
Новое вносим, старое обновляем,
Благоустраиваем жилище. Обмелевшие реки
Превращаем в моря. Прорубая земную
Кору, ищем скрытые в недрах запасы
Жидкого золота. Заново перебираем
Кем-то отвергнутый хлам и находим бесценные руды.
Лечим больные леса, нежно пестуя их

По старинке. Обносившимся мостовым
Дарим новое платье из рукотворного камня –
Щебня, асфальта, бетона. Им сносу не будет.
А сколько ещё
Удивительных планов и мыслей
Хранится где-то в чуланах
Или умах – как когда-то
Истинный облик
Тех городов, от которых неистовый Гамлет
С крыльями “Боинга” или “Фармана”
Однажды оставил лишь пепел – чтоб мы
Их во сто крат лучше воздвигли.
Так строится наша страна. Мы ломаем
Ставшие тесными рамки. Лишь воскресенье
Ловит нас в сети дорог, в хитросплетения улиц;
Крутится лента шоссе, сменяются кадры,
Точно в кино – фон, панорама, наплыв:
В чаше долины под нами переливается
Свет. Мчатся дорожные знаки,
И населенные пункты
Наперебой зазывают надписями реклам:
РЕСТОРАН “БЕЛЫЙ ЛЕБЕДЬ”, ДАЛЬШЕ – стертые
буквы:
ШИНЫ “ДАНЛОП”; ТОЛЬКО “САРОТТИ”. А за
поворотом – вдруг:
СХК “УРОЖАЙ”. Мы узнаем их, не глядя.
Сказочно пахнет деревня – тмином, сиренью,
жасмином,
Крепко вращая в память и будоража кровь,
Как аромат спелой ржи под дождем. (Точно так же
пахло
Под Бережанами на Украине, в сорок четвертом,
вспомнил кто-то из нас.)
Так на ровном шоссе среди ровных полей
Дремлют чувства; лишь ухо
Полнится шумом мотора, прочь уносящего нас
от скуки
К небу невиданной голубизны: песчинка
В бурном водовороте моторов, мы
Сворачиваем на проселок к реке,
Зовущей нас угадать, какой она станет завтра:
Чистой до самого дна, раем для рыб,
Открытым лишь прикосновению руки...

Пройдя сквозь грозу и солнце,
Промокнув с головы до пят, мы попали
В плен к воскресному полдню,
В белое марево над планетой, сменившееся
Восходящими гирляндами звезд; впрочем,
Для этих чудес в моих одах всегда хватит
места. Ибо малы

Каждодневные наши усилия, из которых
По зернышку, по крупице
Мы слагаем огромный наш мир –
Тот, в котором ведут нас
Эти дороги.

Дождь. В гостинице

Это не повесть, не репортаж и не очерк:
Просто поутру с гор пахнуло промокшим ветром,
А к вечеру заблестели мостовые, отражая
Огни кафе на Русском бульваре, зелень листвы
И купола собора Александра Невского;
Красный автобус миновал перекресток,
И гостиница ожила: в комнатах появились пары,
Сбрасывая одежды и впечатления дня. На мокром
шоссе,

Ведущем к аэропорту, распускает волосы девушка;
Студенты уходят из аудиторий, где пыль
Отходящего дня не смешивается с прахом предков. Я
Сижусь на просторной постели в гостинице и слагаю
стихи,

А дождь все пляшет по крышам – в стране,
Которую я посетил, небо которой увидел,
В море которой купался, вин которой отведал;
эта страна

Могла бы мне родиной стать, если бы я в ней
родился, –

Так же, как и любая другая здесь, на Балканах,
Как любая деревня, где перед домом сушится
шерсть,

Красный перец растет под строгим надзором
Старика в македонской куртке (и вся деревня –
под надзором

Каменных скал, а они – под надзором неба;
За небом же смотрит море, за морем – око Луны,
Раздаривающей свои блески волнам,

За которыми смотрят лодки, а рыбаки
Смотрят на девушек – о, вечная юность Балкан!).
И даже здесь, в полумраке гостиничной клетки,
Где царит запах мыла и чемоданов,
Я ощущаю аромат жареных каштанов,
Соленой кукурузы и прохладной воды колодца,
Запах зреющей ржи, когда в долину Балчика
Врывается ветер из Добруджи. И восхитительный

запах

Чеснока от лихого шофера – лучше этого нет
ничего!

Нет ничего лучше бургасских хлеба и рыбы,
Парка у Плевны и поцелуев возле мечети,
Невидимых царапин прощания и стихотворных строчек
о дружбе.

Но поверьте, друзья и соседи, оставшиеся дома:
И этот город, и эта страна – не то, что вы
ищете,

Отправляясь в дальнюю дорогу. Дома здесь простые,
Из камня. А прогресс, о котором вы не хотите
И слышать, ибо отвыкли его замечать,
Стал здесь не словом, но плотью.
Прекрасны маленькие балканские деревеньки
С террасами возле домов. Но, чтоб удобрить поля,
Нужен и здесь только пот, а не сладкий язык
поэзии.

Женщины в горных Родопах,
До сих пор скрывающие от чужих свои лица,
По вечерам усердно учат алфавит.
Старик, доживающий век под ветшающей кровлей,
Средь этих сказочных гор лишился всех сыновей:
Их кровь смешалась с водою
Светлого горного ручья. А старый официант,
Вежливый в меру ваших вчерашних чаевых,
Знает, что дождю не под силу за вечер
Смыть все, что накопилось за день. Но дождь
Все-таки пляшет по мостовой, выводя на стекле
Номера в тихой гостинице тайнописные знаки,
Смысла которых пока что никто не сумел разгадать.

Дождь. В гостинице

Движемся вверх по реке,
Все дальше к истокам; пейзаж
Все еще кажется прежним.

Сойти на берег, остаться
Среди вечно зеленых холмов?
Но возникает сомнение: как
С этой вечностью сжиться?
Стоит ли брать под защиту
Порождение прошлых эпох?

Что-то
Манит нас все дальше:
Река, извилины берегов,
Новые
Набережные и причалы. Впрочем,
Нового нет: все уже было когда-то.
И ромашки в начале весны –
Или в начале жизни ? –
Помню с самого детства. А пока
У нас лето. О, лето –
Крутая замшелая гора,
Облысевшую верхушку которой
Уж не засеешь
Новыми лесами и новыми мыслями,
Хоть их у нас и хватило б
На гору побольше этой.

Движемся вверх по реке...
Пока еще можно вернуться
К истокам, к слову “Люблю!”,
К ночам,
Распахивающим занавес
Покоев донны Эльвиры
В опере
Бессмертного музыканта,
К зыбким теням
Пражских старинных мостов:
Вечность,
К которой можно
Вернуться.

Какими же станут
Эта вода, этот луг, эти горы ? –
Не знаю.
Что мы знаем вообще
О нашей прежней и будущей жизни?
Что есть коммунизм – далекая цель,
Переходный период
Истории, ведущий

К решению вечных проблем?
А человек, плывущий по водам,
Так и останется
Слабым,
Трусливым существом,
Покорным закону природы,
Созданной его же руками?

Куда же
Уходит сила, повелевающая
Движением вперед, по водам,
По рельсам, компьютерам и системам, –
Сила, данная человеку
Со дня творения?

И как восстановить то
Из слов о любви, из вод,
Зелени и крутобоких гор,
Что уже ушло и утрачено
Навсегда?

Подрабатываем как можем

Подрабатываем как можем –
с короткими передышками,
чтобы выполоскать рот
от навязших в зубах
остатков слов.

Отче наш, иже еси хоть где-нибудь,
слова насущного даждь нам днесь!